

Театр «Сатирикон»

«Как Фауст ослеп»

ПО ТРАГЕДИИ И.В. ГЕТЕ «ФАУСТ»

25 пн, 26 вт – 19 ч

Слепящий свет истины

▲ «Как Фауст ослеп».
Фото: А. Иванишин

Сергей Тонышев в последние сезоны отметил в большинстве московских театров: его спектакли вышли в МХТ и РАМТе, «Современнике» и «Студии театрального искусства», в Театре Маяковского, в Театре на Таганке и других. Его новая работа открыла сезон в театре «Сатирикон» — это спектакль «Как Фауст ослеп», где Тонышев и драматург, и режиссер.

Трагедию Гете в переводе Пастернака дают на сцене Дворца на Яузе, где квартирует труппа, который год лишена собственного здания. В прологе перед закрытым занавесом толпится стайка бессловесных персонажей в сером. Возглавляет ее Мефистофель (Денис Суханов) — в диалоге с невидимым Богом (голос его принадлежит, что логично, Константину Райкину) он оспаривает у Бога душу Фауста. Суханов изображает демонизм своего героя несколько пародийно, преувеличенно, как опереточного злодея, многозначительно бередает в кожаный плащ до пят и шляпу, берет трость.

18+

За занавесом открывается огромный операционный зал, люди в белых халатах стоят над лежащим на столе телом, ровный звук кардиомонитора обозначает конец их усилий. Седой врач в отчаянии стягивает с лица маску и вглядывается в длинное зеркало. В это зеркало он посмотрит на себя еще не раз, однажды в ярости ударит отражение, измазав стекло кровью из разрезанной ладони. Это вглядывание — поиск ответа на вопрос «кто я?». Фауст здесь буквальный доктор, он не колдует над созданием гомункула, а лечит людей, сходя с ума от бессилия в соревновании со смертью. Фауст — вознесшийся над прочими гордец, высушенный скукой и презрением к миру, решает отказаться от своего дела жизни и пуститься странствовать. На этом пути он рад компании того, кто кажется ему понимающим собеседником, хотя и догадался, кто перед ним.

Задник — замызанная кафельная стена, превращающая весь мир в провинциальную больницу или сумасшедший дом, — с грохотом разламывается, в проем над обломками бьют лучи, и, словно оживший труп, является щеголеватый посланник тьмы. Так в решении спектакля, предложенном сценографом Филиппом Шейном и художником по свету Денисом Солнцевым, возникает тема внезапной катастрофы, вторжения страшной внешней силы — и людской слепоты. Люди равнодушно перешагивают искореженные глыбы, расставляют вокруг них горшки с цветами, пытаются жить, словно не замечая руины, не задумываясь, что случилось на самом деле. Спектакль силен в первую очередь визуальным воздействием, он красив темной красотой, отсылающей к сумрачному германскому гению.

Воплощение Фауста разбито на двух исполнителей, представляющих его ипостаси разных возрастов. Фауста отчаявшегося, вдур среди тотального разочарования в жизни безумно влюбившегося играет Артем Осипов

(в очередь с ним Владимир Большой). Его же, одаренного дьяволом второй молодостью, но будто бы молодеющего от страсти — Даниил Пугаев (в другом составе Константин Новичков). Мефистофель отдан безраздельно Денису Суханову. В его персонаже много комического — больше, чем сардонического. Всеми приемами своей яркой характерности он не раз потешает публику, например в сцене двойного свидания в саду — пока жадная до мужского внимания подружка Гретхен Марта (Ульяна Лисицина) совращает его быстрее, чем он успевает хотя бы затеять соблазн. Этот дьявол не страшен, безо всякой хромоты, мелко порочен — любит деньги и удовольствия, плутоват. Ему менее всего можно что-то предъявить за безданные разрушенные людские жизни, и он справедливо, с несколько капризными интонациями, возвращает все упреки Фаусту. Он и есть истинное зеркало Фауста. Более того, в финале Мефистофеля становится жаль: он выползает на сцену на четвереньках, с голым торсом, высоко поднимая лопатки, на которых багровеют рубцы от срубленных крыльев — нам напоминают, что перед нами падший, но когда-то ангел, Люцифер, в нем есть живое страдание, не менее чем в Фаусте; ведь это его никто никогда не полюбил, и ему нельзя не сочувствовать, когда на жест Гретхен, погладившей его по лбу, он тянется, как бездомный пес, и не верит нежданной ласке.

Алина Доценко играет Гретхен (в очередь с Екатериной Ворониной), и это, пожалуй, самая выстроенная роль. Вначале это совершеннейшее дитя, настолько естественно, мило, живо она проигрывает свою девчоночью радость от встречи с необыкновенным человеком и так безыскусно открывает ему душу. Сцена ночного сна, мечты, полета Гретхен выглядит волшебством: она кружится во тьме на кровати, и среди этого кружения, музыки и вспыхивающих искр ей всюду является лицо Фауста. Зритель видит взросление Гретхен, пробуждение любви, толкнувшей ее забыть обо всем, пойти на позор, убийства и собственную смерть. На свидании с Фаустом в тюрьме она выглядит безумицей — но в то же время именно ей открыта духовная истина, еще неведомая Фаусту. Она сама судит и предает себя на казнь, отказывается бежать с ним от возмездия, раз за разом отшвыривает протянутые им ключи от

▲ «Как Фауст ослеп»
Фото: А. Иванишин

темницы. В миг расставания с жизнью единственное, что ей нужно, — его поцелуй, его любовь, не спасение, а прощение. Старинным театральным приемом Гретхен вознесена на небеса — буквально, на тросах к колосникам, и эта наивность приема уместна в старой легенде. На этом мнимая молодость Фауста заканчивается.

Старый Фауст, пережив все крушения, вдруг ощущает себя великим строителем. На почти пустой сцене — маленький, словно кукольный, домик, постепенно занимающийся изнутри красным светом и дымом. Это жилище стариков Филемона и Бавкиды, не желающих устраниваться перед девелоперским размахом Фауста. То, что эта преграда разрушена его подручными так легко и бесстыдно, становится ему приговором: переполняется чаша Божьего терпения, и котлован великой стройки гласом свыше обещан моголой своему автору. Слепота со времен Эдипа, а то и ранее, означает духовное прозрение, слепящий свет божественной истины. Блуждавший всю жизнь во тьме Фауст был физически зряч, но ничего не понимал ни о себе, ни о мире. Ослепнув, он прозрел духовно с помощью Гретхен — она спускается за ним с небес и уводит его, незрячего, в свет вдали, тем самым показывая чудо любви и прощения, как когда-то в мистериях о спасении грешника.

Наталья Шаинян

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК И АВТОР
ИНСЦЕНИРОВКИ: С. ТОНЬШЕВ.

ХУДОЖНИК-СЦЕНОГРАФ: Ф. ШЕЙН.

ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК: А. ГАЙНАНОВ.